

ПАРАДИГМА

Философско-культурологический альманах

Издается с 2005 года

ВЫПУСК 32

**Санкт-Петербург
2020**

ББК 71.0

П18

“Paradigma” is an open-access, peer-reviewed journal produced by an international group of scholars. Which comes out two times a year, publishes materials based on empirical interdisciplinary research in Russian, French and English languages.

«Парадигма: Философско-культурологический альманах» - рецензируемый научный журнал в открытом доступе, поддерживается международной группой ученых. Выходит два раза в год. Публикуются результаты междисциплинарных исследований на русском, французском и английском языках.

Парадигма: Философско-культурологический альманах.

Вып. 32 / Главный редактор Н. Х. Орлова. СПб., 2020. 158 с.

ISSN 1818-734X

© Авторский коллектив, 2020

© Н. Х. Орлова, 2020

Editorial Board

Chief Editor

Nadezda H. Orlova, Dr. hab., professor, St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia.

Орлова Надежда Хаджимерзановна, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

Executive Secretary

Lyubov S. Moskovchuk, PhD, associate professor, Saint Petersburg Electrotechnical University. St. Petersburg, Russia.

Московчук Любовь Сергеевна, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ). Санкт-Петербург, Россия.

Editorial Board

Darovskikh Andrey, Candidate of Sciences (C.sc.), State University of New York. Binghamton, USA.

Даровских Андрей, кандидат философских наук. Кафедра философии, Университет Штата Нью-Йорк. Бингемтон, США.

Anna N. Ereemeeva, Dr. hab., professor, Chief Researcher, Southern Branch of Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachov, Krasnodar, Russia

Еремеева Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Краснодар, Россия.

Lilianna Kiejzik, Dr hab., professor, University of Zielona Góra, Zielona Góra, Poland.

Киейзик Лилианна, доктор гуманитарных наук, профессор, Зеленогурский университет. Зелена Гура, Польша.

Alexander M. Melikhov, Ph.D., Russian writer, the deputy chief of the "Neva" magazine editor. St. Petersburg, Russia.

Мелихов Александр Мотелевич, писатель, кандидат физико-математических наук, заместитель главного редактора журнала «Нева». Санкт-Петербург, Россия.

Anna G. Piotowska Dr hab., professor, Instytut Muzykologii of the Jagiellonian University. Krakow, Poland.

Пиотровска Анна, доктор наук, профессор, Ягеллонский университет. Краков, Польша.

Sergei Soloviev, PhD., professeur émérite IRIT, Université Toulouse. Toulouse, France.

Соловьев Сергей Владимирович, кандидат физ.-мат. наук, профессор, Университет Тулузы. Тулуза, Франция.

Natalja I. Šroma, PhD, associate professor, University of Latvia. Riga, Latvia.

Шром Наталья Ивановна, кандидат наук, ассоциированный профессор, отделение русистики и славистики гуманитарного факультета Латвийского университета. Рига, Латвия.

Louis Féraud, Dr. hab., professeur émérite IRIT, Université Toulouse. Toulouse, France.

Феро Луи, доктор математики, профессор, Университет Тулузы. Тулуза, Франция.

Alexander A. Chernyshenko, PhD, Group Leader vacuum measurements D.I. Mendeleev Institute for Metrology. St. Petersburg, Russia.

Чернышенко Александр Александрович, кандидат технических наук, ФГУП «ВНИИМ им. Д. И. Менделеева». Санкт-Петербург, Россия.

Clarisse Herrenschmidt, Dr. hab., philologue et linguiste, rattachée au Laboratoire d'Anthropologie Sociale du Collège de France. Paris, France.

Эреншмидт Кларисс, доктор филологии и лингвистики. Коллеж де Франс. Париж, Франция.

CONTENT

PHILOSOPHY OF CULTURE (ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ)

Уваров М. С. Амбивалентность культурно-исторического ландшафта..... 7
Mikhail S. Uvarov Ambivalence of the Cultural and Historical Landscape

Львов А. А. От гуманизма к политехнизму: приметы эпохи 64
Alexander A. Lvov From Humanism to Polytechnicism: the Tokens of Epoch

ТЕХТ AND CONTEXT (ТЕКСТ И КОНТЕКСТ)

Киреева О. В. Урбанизация и дезурбанизация в истории русской культуры..... 80
Olga V. Kireeva Urbanisation and Deurbanization in the History of Russian Culture

Михаленко Н. В. Образ усадьбы в творчестве А. В. Чайнова..... 96
Natalia V. Mikhailenko The Image of the Estate in the Works of A. V. Chayanova

HISTORY OF SCIENCE (ИСТОРИЯ НАУКИ)

Толстых В. Н. Пятый элемент в математике..... 108
Victor N. Tolstykh Fifth Element in Math

PERSONA PERSONAM
(ПЕРСОНА)

<i>Орлова Н. Х. Данзас Юлия Николаевна: Я чувствую силу своей мысли.....</i>	125
<i>Nadezda Kh. Orlova Julia Nikolaevna Danzas: I feel the Power of my Thought</i>	

ARCHIVES
(АРХИВЫ)

<i>Безобразова О. М. Новая религия (Эссе об этике) Философская часть. Пер. Л.С. Московчук.....</i>	140
<i>Olga De Bezobrazow La Religion Nouvelle (Essai d'éthique) Partie Philosophique. Trans. L. Moskovchuk</i>	

INFORMATION ABOUT AUTHORS (СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ).....	150
---	-----

Образ усадьбы в творчестве А. В. Чаянова¹

Н. В. Михаленко

В повестях А.В. Чаянова, знатока истории Москвы и автора работ «Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем», «История Миусской площади», создан образ усадьбы XVIII-XIX веков, отмечены ее характерные черты. Часто образ усадьбы в его текстах связан с представлением о счастье, о спокойной, благообразной жизни на лоне природы. В стихах из «Лёлиной книжки», повестях «Венедиктов...», «Юлия, или Встречи под Новодевичьим» усадьба служит приютом влюбленных, где в покое и тишине развивается их чувство после тревог и волнений. В «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» Чаянов обращается к усадебной культуре XIX века, считая характерную для нее жизнь на лоне природы, где сочетаются физический и духовный труд, максимально способствующей раскрытию всех способностей человека. Именно в старинных усадьбах, уподобленных светскому монастырю, происходит обучение юношей и девушек, «выдвинувшихся в науках и искусствах» в крестьянской стране. В «Необычайных, но истинных приключениях графа Федора Михайловича Бутурлина» показаны некоторые характерные черты изменение усадебной культуры с середины до конца XVIII века.

Ключевые слова: А.В. Чаянов, «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», «Лёлина книжка», мистические повести.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФ. Проект № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

The Image of the Estate in the Works of A. V. Chayanova

Natalia V. Mikhalenko

In the stories A.V. Chayanov, an expert on the history of Moscow and the author of the works “Petrovsko-Razumovskoye in its past and present”, “History of Miyuska Square”, created an image of the estate of the 18th–19th centuries, its characteristic features are noted. Often the image of the estate in its texts is associated with the idea of a happiness, of a calm, noble life in the lap of nature. In verses from the “Lelina Book“, “The stories of Venediktov...”, “Julia, or Meetings near Novodevichy”, the estate serves as a haven for lovers, where in peace and quiet their feeling develops after anxiety and excitement. In “The Journey of My Brother Alexei to the Country of Peasant Utopia”, Chayanov refers to the estate culture of the 19th century, considering life characteristic of it in the bosom of nature, where physical and spiritual work are combined, which maximally reveals all human abilities. It is in the old estates, likened to a secular monastery, that the boys and girls “advanced in the sciences and the arts” are trained in a peasant country. The “Extraordinary, but True Adventures of Count Fedor Mikhailovich Buturlin” shows some of the characteristic features of the change in the estate culture from the middle to the end of the 18th century.

Keywords: A.V. Chayanov, “The Journey of My Brother Alexei to the Country of Peasant Utopia”, “Lelina Book”, mystical tales.

Литературное творчество А. В. Чаянова, всемирно признанного ученого-экономиста, связано с его научной деятельностью, служит ее отголоском. Многие исследователи называют Чаянова «энциклопедистом», подчеркивая разносторонность его интересов и широту реализации его замыслов. В его художественных произведениях на литературном материале были опро-

бованы, смоделированы многие его социально-экономические представления, в текстах отразились его литературные и искусствоведческие интересы.

«Усадебный текст» в произведениях Чайнова, вероятно, связан с интересом писателя к историческому прошлому Москвы (его статьи «История Миюсской площади», «Парки и аграрная реформа» и др.), с его работой в Петровской академии, где ранее было расположено имение Кирилла Разумовского.

В книге «Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем» выразился глубокий интерес Чайнова и нашли отражения теплые чувства к этому месту с богатой усадебной историей: «Когда нас – исконных обитателей Разумовского – спрашивают, что, собственно, достопримечательного можно увидеть в Петровско-Разумовском, нам такой вопрос кажется в достаточной степени странным, так как, по нашему ощущению, каждый дом и даже каждое дерево – у нас особенное и чем-нибудь да замечательное» [9, с. 224]. В Петровско-Разумовском расположена Сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева (бывшая Петровская академия), где Чайнов учился и преподавал, – «высшее научное учреждение СССР в деле изучения сельского хозяйства, собравшее в своих музеях, лабораториях, библиотеках, научных станциях, опытном поле и ферме все завоевания русской и западно-европейской науки и ныне дающее эти агрономические знания нашему земледелию в лице тысячи обучающихся в ней студентов» [9, с. 25]. Рядом с академией сохранились «остатки подмосковного имения Кирилла Разумовского» со «старинной церковью, некоторыми... постройками и прекрасным парком, сильно запущенным, но сохранившим в себе всю прелесть и великолепие садовых насаждений XVIII века» [9, с. 24]. Вероятно, такая близость подмосковного поместья и Сельскохозяйственной академии подтолкнула Чайнова к созданию образа своеобразного «светского монастыря», университета в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», ко-

торый был расположен на территории старинной усадьбы, где сельскохозяйственные работы сочетались с постижением наук и искусств.

В творчестве А.В. Чайнова образ усадьбы занимает особое место². Появившись уже в стихотворной «Лёлиной книжке», он тем или иным образом отразился в его мистических повестях и утопии. Он служит своеобразным камертоном, символом благообразной, спокойной жизни. В лирических стихах Чайнова усадьба приобретает таинственные, мистические черты («Мне страшен сад покинутый, / Унылых урн живая белизна, / И кажутся везде раскинуты / Живые сети сна» [7, с. 11]), служит приютом влюбленных («Они встречались в этом парке / Читали Гёте и потом / Мечтали шепотом о том, / Как хорошо в полудень яркий / Сбирать за речкою цветы / Ромашку, кашку...» [7, с. 14]). Летнее времяпрепровождение наполнено негой и отдохновением («А, кажется, давно ли / Кругом цвела сирень, / И солнце с милой Лёли / В песке чертило тень. / На лодке по прудам мы / Катались вчетвером / И платьё нашей дамы, / Забрызгали веслом» [7, с. 26]), проникнуто атмосферой праздника («На лужайке / На плечах медный самовар / И восхитительной хозяйки / Вишнево-сизый пеньюар. / Костер. А вечером – ракеты, / Рассказы страшные, сонеты...») [7, с. 17], сопряжено с интересным чтением («Люблю про подвиги Патрокла / В Петровке осенью читать» [7, с. 19]). Усадьба становится образом рая, символом счастья («Был этот вечер тих и ал, / В беседке мы сидели, / Твои я руки целовал, / А в парке птицы пели. <...> В далеком доме на рояли / Сестра играла полонез. / На грядках маки отцветали, / И заспал за Волгой лес» [7, с. 13]), изобилия, которое дает земля («С каждой ночью тяжелеет / Груш душистых сладкий плод. / А на клёновой аллее / Листопадный дождь идет...» [7, с. 15]), «Террас покинутых пилястры / Окрасил красным вино-

² См. об этом также: [4, с. 102–112].

град, / И только голубые астры / Осенний украшает сад» [7, с. 16].

В «Венедиктове...» главный герой, живя «в сельском уединении», «гуляя по вечерам по склонам берегов московецких», «наблюдая яблони, ветви которых гнутся от тяжести плодов», предается мыслям о прожитых годах и стремится описать «достопамятности собственной жизни». Усадьба в этой повести становится символом спокойной, уединенной жизни. Счастливые детские годы связаны в его воспоминаниях с летним времяпрепровождением то в Кускове, то в Кузьминках. Оказавшись вовлеченным в мистическую историю, связанную с обретением власти над человеком с помощью inferнальных фишек – треугольников душ, и спасаясь от преследования вместе со своей возлюбленной Настенькой, покой он обретает только в подмосковной усадьбе, в Киржаче. Дни, проведенные у тетушки главного героя, – счастливая передышка после мистических событий: «Отчетливо и с радостной грустью помню я дни, когда тетушка, окончив с хозяйством, присаживалась к нам и, быстро мелькая спицами, вязала чулки, Настенька смотрела в сад, где опадали последние желтые листья, и, задумавшись, гладила белую кошечку, а я, поместившись у ее ног, читал творения Коцебу, описания путешествия господина Карамзина и трогательные стихи великого Державина» [5, с. 110]. Обязательная составляющая часть усадебного быта, по Чаюнову, совместное чтение книг, что создает атмосферу тепла и домашнего уюта.

Образ усадьбы как места, где можно обрести душевный покой и физическое здоровье, создан и в повести «Юлия, или Встречи под Новодевичьим». Главный герой, пытаясь раскрыть тайну дымного фантома – прекрасной девушки, которая исчезает при приближении к ней, чуть не погибает. Спасение от навязчивого морока он находит в усадебной жизни. Его невеста, презрев «все сплетни и московские толки», выхаживает его в «данковской деревне» [13, с. 210]: «Уже второй день, как я

могу сидеть в кровати и даже писать. Кругом все тихо... уже давно февраль. В окно видно, как галки скачут на снежных сугробах, и тишина данковских палестин, как целительный бальзам, врачует мою душу.

Верочка не отходит от меня... Поправляет мне подушки, приносит чай и читает мне вслух похождения Телемака...» [13, с. 210]

В «Венецианском зеркале...» главный герой, завершая работу над обстановкой своего яузского особняка, в восьми комнатах которого находились «предметы художественного творчества пяти веков, схваченные острой гаммой экспрессионизма», никак не может найти того, что связало бы все эти предметы «последним заключительным синтезом» [6, с. 115]. Венецианское зеркало, привезенное им для этой цели, служит мистическим артефактом, благодаря которому он встречается со своим стеклянным двойником и, обретя внутреннюю устойчивость, цельность, как бы соединив все части своей души, может оказать сопротивление инферно. Здесь образ дома выступает как символ души человека, которая находится в процессе искания, познания себя. Как не завершено убранство особняка, так и Алексей в начале повести не знает себя, своих сил и возможностей.

В «Необычайных, но истинных приключениях графа Федора Михайловича Бутурлина» мистические события происходят в пространстве московских и подмосковных усадеб в то время, «когда Параскева Жемчугова пленяла сердца в Кусковском театре <...>; когда Головкин, Теорез и Чефроли наполняли строящиеся дворцы московской знати полотнами великих мастеров...» [8, с. 139]. Бал, где Марфинька Гагарина назначает свидание графу Бутурлину, проходит во дворце Разумовских; таинственная встреча с Яковом Вилимовичем Брюсом, сподвижником Петра I, – в Лефортово. Согласно московским легендам и тексту Чайнова, даже после смерти черно книжник Брюс правит «незримо человеческими судьбами» [8, с. 142], раскладывая пасьянсы. Из-за того, что Федор Бутурлин в запале гнева смешивает

карты Брюса, жизнь героя становится похожей на авантюрный роман, где переплетаются различные мистические сюжеты – от возможной гибели в руках иллюминатов до исцеления женщины-рыбы и поисков целительного эликсира архиепископа Трирского.

В «Бутурлине...» воссоздано богатство и обилие, размах усадьбы конца XVIII века. Когда Федор, вернувшись из своих европейских приключений, затворился в своем доме на Знаменке, не в силах позабыть Жервезу – исцеленную им женщину-рыбу, горничная Матреша, его фаворитка, уговаривает главного героя возродить «подмосковную Песты»: Бутурлин предался «сооружению оранжереи и садов, мечтая превзойти Горенки своими теплицами и перешибить Прокопия Демидова роскошью своих флорариумов» [8, с. 175], «на кухне дым стоял ковромыслом и весело поднимался пар от готовящихся блюд» [8, с. 174]. Здесь описаны характерные особенности расцвета усадебной жизни. Матреша, будучи крепостной, горничной, могла помочь создать лишь внешнее убранство усадьбы, наполнить же дом Бутурлина внутренним содержанием, стать вдохновительницей праздников могла только его жена, Жервеза, за год счастливой жизни с которой главный герой заключил сделку с Брюсом. «Молодая хозяйка разорвала цепи затворничества, и толпа нескончаемых маскарадов и балов, колеблющаяся в мерцании восковых свечей, наполнила собою комнаты...» [8, с. 181]. Это описание, вероятно, призвано отнести читателя к образу грандиозных усадебных торжеств 1770–1790-х гг. – «усадебный праздник повторял, копировал, соревновался с праздниками, устраиваемыми в загородных царских резиденциях» [3, с. 202]. Чайнов, знаток истории Москвы, несколькими штрихами отметил в своей повести это характерное изменение усадебного праздника от обильного пиршества, о чем могла заботиться Матреша, до удивительного увеселения с маскарадом и фейерверком [3, с. 199–221].

В романе А. В. Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) образ усадьбы, благообразной жизни в ней имеет большое значение. Он характеризуется важными для «усадебного текста» чертами. Это уединенная, размеренная жизнь на лоне природе, посвященная интеллектуальному труду, где человек стремится совершенствовать себя в науках и искусствах.

В утопии Чаянова образ усадебной культуры, «давшей декабристов и подарившей миру Пушкина» [11, с. 262], признается эталонным, наиболее способствующим всестороннему развитию человека. Здесь особенно ярко обрисованы достоинства жизни вне города, когда «вся страна образует... кругом Москвы на сотни верст сплошное сельскохозяйственное поселение» [11, с. 227]. В основе утопического хозяйственного строя, так же, как и в основе античной Руси, «лежит индивидуальное крестьянское хозяйство» [11, с. 245].

В подмосковной усадьбе Архангельское было образовано «Братство святого Флора и Лавра» – своеобразный светский монастырь, «братья коего вербовались среди талантливых юношей и девушек, выдвинувшихся в искусствах и науках» [11, с. 237]. Чаянов, профессор Петровской земледельческой и лесной академии и Народного университета им. А.А. Шанявского, создал в «Путешествии...» модель «светского монастыря», где проходило бы разностороннее обучение студентов: «Братство владело двумя десятками огромных и чудесных имений, разбросанных по России и Азии, снабженных библиотеками, лабораториями, картинными галереями, и, насколько можно было понять, являлось одной из наиболее мощных творческих сил страны» [11, с. 237]. В этом усадебном братстве бережно сохранялась память о предшествующих эпохах: «В анфиладе комнат старого дворца и липовых аллеях парка, освещенных былыми посещениями Пушкина и блистательной, галантной жизнью Бориса Николаевича Юсупова с его вольтерьянством и колоссальной библиотекой, посвященной фран-

цузской революции и кулинарии, шумела юная толпа носителей прометеева огня творчества, делившая труды с радостями жизни» [11, с. 236].

Жизнь в утопической стране строится на внимании к культурному наследию предшествующих эпох. Утопические жители не только посещают передвижные выставки работ старых мастеров, но и с легкостью говорят о «старом Брейгеле, Ван Гоге,.. Рыбникове и великолепном Ладонове» [11, с. 227], властителем их помыслов становятся «суздальские фрески XII века» [11, с. 228] и работы реалистов с «Питером Брейгелем как кумиром» [11, с. 228]. Под аккомпанемент клавесина Катерина Минина поет романс Александрова на стихи Г.Р. Державина «Шекснинская стерлядь золотая...» [11, с. 240]. Тем самым создается традиционная картина «усадебного» времяпрепровождения.

Такой интерес утопических жителей к искусству, вероятно, восходит к увлечению А. В. Чаянова живописью, коллекционированию старинной западной гравюры [12].

Создавая образ Москвы и Подмосковья, Чаянов особенно подчеркивает бережное отношение утопических жителей к сохранению памяти о прошлых эпохах. Например, в утопической стране со вниманием относятся к старинной архитектуре. Проезжая по утопической Москве, Кремнев видел «очертания знакомых зданий, в большинстве построенных в XVII и XVIII веках» [11, с. 229]. «Обширная семья Мининых занимала несколько маленьких домиков, построенных в простых формах XVI века и обнесенных тыном, придававшим усадьбе вид древнего городка» [11, с. 238].

Как отмечали Е. Е. Дмитриева и О.Н. Купцова, с одной стороны, русская помещичья усадьба – «пространство культуры, но в естественном, природном ландшафте», с другой – сочетание, «включение в себя равно миров дворянского и крестьянского» [1, с. 16–17].

Такой «перекресток культур», соединение дворянской и крестьянской культур (своеобразной «сельской

Аркадии») показано у Чайнова. Обычай и устои утопической страны обращены в минувшее, реставрируют и возрождают его. Так, проводятся международные состязания «на звание первого игрока в бабки» [11, с. 230]. Меню обеда утопических жителей соответствует «Русской поварне» Левшина (1816 г.): «...на обеденный стол появлялось такое количество расстегаев и кулебяк, запеченный карасей в сметане и прочей снеди» [11, с. 253]. В утопии царит атмосфера праздника. Заметим, что это описание коррелирует с традиционным сюжетом дымковской игрушки, изображающей посиделки у самовара. Там те же горы блинов и ватрушек, шумная компания, фигурки людей в разноцветной, яркой одежде. На ярмарке в Белой Колпи «на прилавке лежали горы тульских пряников, поджаренных и с цукатами, тверские мятные стерлядкой и генералом и сочная разноцветная коломенская пастила. <...> Мальчишки свистали, как в доброе старое время, в глиняные золоченые петушки, как, впрочем, они свистали и при царе Иване Васильевиче и в Великом Новгороде. Двухрядная гармоника наигрывала польку с ходом» [11, с. 254]. Возможно, такой образ связан и с «неорусским» движением в усадебной культуре, начавшемся во второй половине XIX века (Абрамцево, Талашкино и пр.): «Идеализированные “русские” постройки (теремки, избышки на курьих ножках и пр.) призваны были воссоздать Аркадию славянскую – мир русской сказки, перенесенный в усадебное пространство» [2, с. 182].

Отголоски такого патриархального быта Чайнов, возможно, видел и во время своей жизни в Угличе, где он усиленно работал над своими экономическими трудами. Картину почти идиллической, утопической жизни рисует он в своем письме к Н.П. Макарову (от 7 июля 1914 года, Углич): «Я уже второй месяц живу в древнем граде Угличе, который с его 29 церквами, Волгой и окружающими лесами кажется каким-то городом-леденцом из сказки о царе Салтане.

Нравы и обычаи жителей здешних, уклад их жизни еще не вышли из XVII века» [10, с. 157].

В мистических повестях А. В. Чаянова и в его утопии был создан образ усадьбы XVIII–XIX веков. На страницах его повестей возникают исторические образы усадеб Коломенского, Кусково, Кузьминок. Будучи знатоком истории Москвы, он с большим вниманием описал особенности усадебного быта, находя в нем как идеал гармоничной, спокойной, полной отдохновения жизни человека на лоне природы, так и максимальной реализации, соединения физического и интеллектуального труда. В «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» Чаянов соединил как свои представления о должном экономическом и политическом, культурном развитии России, изложил в нем взгляды на методику высшего образования, так и обратился к характерным для утопии сюжетам и образам. В образ идеального государства, где стремятся максимально реализовать таланты граждан, а инфраструктура, техника, сельское хозяйство необыкновенно развиты, логично входит представление об усадьбе как месте, где человек может наиболее полно развить свои способности.

Литература

1. Дмитриева Е. Е. Спор о достоинствах городской и сельской жизни (Глава I) // Дмитриева Е. Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2003. С. 9–30.

2. Иванов Д. Д. Искусство в русской усадьбе // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 4 (20). М., 1998. С. 180–200.

3. Купцова О.Н. Усадебный праздник // Дмитриева Е. Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М., ОГИ, 2008. С. 199–221.

4. Михаленко Н. В. К вопросу о роли музыки в «усадебном тексте» // Парадигма: философско-

культурологический альманах. Санкт-Петербург, 2019, № 30. С. 102–112.

5. Чаянов А. В. Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей // Чаянов А. В. Московская гофманиада / Послесл. В. Б. Муравьева; Примеч. В. Б. Муравьева. М., 2006. С. 86–113.

6. Чаянов А. В. Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека // Чаянов А. В. Московская гофманиада / Послесл. В. Б. Муравьева; Примеч. В. Б. Муравьева. М., 2006. С. 114–137.

7. Чаянов А. В. Лёлина книжка // Чаянов А. В. Московская гофманиада / Послесловие В. Б. Муравьева; Примечания В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. М.: ТОНЧУ, 2006. С. 9–34.

8. Чаянов А. В. Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина // Чаянов А. В. Московская гофманиада / Послесл. В. Б. Муравьева; Примеч. В. Б. Муравьева. М., 2006. С. 138–185.

9. Чаянов А. В. Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем // Чаянов А. В. Избранное: Статьи о Москве. Письма (1909–1936) / Примечания С. Б. Фроловой. М.: Издательский Дом ТОНЧУ, 2008. С. 24–275.

10. Чаянов А. В. Письма // Чаянов А. В. Избранное: Статьи о Москве. Письма (1909–1936) / Примечания С. Б. Фроловой. М.: Издательский Дом ТОНЧУ, 2008. С. 148–275.

11. Чаянов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А. В. Московская гофманиада / Послесл. В. Б. Муравьева; Примеч. В. Б. Муравьева. М., 2006. С. 217–274.

12. Чаянов А. В. Старая западная гравюра. Краткое руководство для музейной работы. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1926.

13. Чаянов А. В. Юлия, или Встречи под Новодевичьим // Чаянов А. В. Московская гофманиада / Послесл. В. Б. Муравьева; Примеч. В. Б. Муравьева. М., 2006. С. 186–216.